

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«ЗА БЕГУЩИМ ДНЕМ»

Водоворот человеческих дел и отношений каждый новый день вовлекает миллионы людей. Как тут не возникнуть бесконечному разнообразию проблем и вопросов, которые требуют быстрого решения, ответа или хотя бы на первый случай глубокого и ясного их понимания.

Трудно поспевать в наше время за «бегущим днем». А поспевать надо: жизнь того требует. Да не только поспевать, но и опережать, уметь, осмыслив день прожитый, уловить перспективу дня завтрашнего и подготовиться к нему... Надо думать. Ибо в наше время нельзя не думать.

Эта мысль пронизывает одно из последних произведений умного, талантливого писателя В. Тендрякова — повесть «За бегущим днем». Характерная черта его дарования в том и состоит, что он писатель думающий. Каждое произведение его: будь то рассказ «Ухабы» или повести «Не ко двору», «Тугой узел», «Чудотворная» (кстати, если вы не знакомы с этими произведениями, советуем познакомиться: прочтя их, вы не только извлечете для себя пользу, но и будете покорены живописным словом и глубиной анализа жизни и психологии наших современников) — это докапывающееся до корней писательское размышление над взволновавшим его явле-

нием нашего бытия. Он работает на будущее, на коммунизм.

А будущее начинается уже сегодня — в труде, в делах, в наших отношениях между собой.

...Еще вчера перед каждым юношей и девушкой, заканчивающими школу, не возникало вопроса — а что дальше? Путь, проторенный не одним поколением, был ясен — дорога в жизнь проходила через институтские залы и аудитории. Иной путь был нежелательным («не для того революцию делали!»), зазорным («Будешь плохо учиться — останешься в колхозе быкам хвосты крутить»), бесславным. Все возрастающая потребность молодого социалистического общества в своих ученых, врачах, инженерах определенным образом сформировала психологию части членов общества: среднее образование нужно было не для того, чтобы стать образованным рабочим или колхозником, а, напротив, чтобы не стать ими! Психология, явно противная духу и целям советских людей, строящих коммунизм, где труд все более становится первейшей жизненной потребностью человека.

Сильная сторона повести В. Тендрякова — в ее философской глубине, в том, что она зовет к исканиям, зовет ни на минуту не останавливаться, а поспешать за жизнью. Слабая — в тех конкретных методах школьного воспитания, которые

предлагает писатель, выдавая их за «революцию» в педагогическом труде. Здесь наши педагоги, которым в последние годы жизнь создала условия для творческих экспериментов, для поисков верных путей и средств воспитания человека будущего, могут основательно поспорить с писателем. Ну что ж, в добрый час! Споря с ним, педагоги проявят горячую заинтересованность в решении одного из основных вопросов современности — вопроса воспитания человека в любви к труду, в духе коллективизма и уверятся в своей правоте или внесут поправки в свой педагогический опыт.

В погоне за тем же «бегущим днем» живет герой повести И. Дружинина «Узнаю тебя, жизнь!» Юрий Сокольский. Андрея Бирюкова и Юрия Сокольского сближает понимание педагогического труда как труда творческого. Сокольский, как и герой Тендрякова, хорошо понимает необходимость связывать обучение школьным наукам с воспитанием гражданских качеств и в первую очередь привить ребенку трудовые навыки, воспитать потребность трудиться, научить относиться к любому труду с уважением.

Понимать это — еще не все, надо уметь осуществить это на деле. Но поскольку и Бирюков и Сокольский работают не на необитаемом острове, а среди таких же педагогов, имеют дело с устоявшимися педагогическими взглядами, им приходится в серьезной борьбе защищать и свои точки зрения, и свой педагогический опыт, и находки. Противников у них достаточно.

Кто же они, эти противники? У Бирюкова это директор школы Хрустов, педагог уважаемый, опытный. Школа, которую он возглавляет — образцовая школа. Его правило — учитель не имеет права ошибаться. Любое новшество, любой педагогический эксперимент если еще и не ошибка, то во всяком случае потенциальная возможность ошибки. Он допустить этого не может.

Есть у Бирюкова противники и в среде педагогов-ученых, оторванных от практической деятельности

школ. Есть противники-флюгеры, противники-карьеристы.

В борьбе с безнадежно отставшими от жизни педагогами растет и мужает Юрий Сокольский, работающий в школе нового типа, школе-интернате.

Иные из тех, кто прочтет наш беглый обзор, могут подумать: стоит ли читать эти книги? Ведь они мало отличаются от так называемых «производственных» романов, где узко технологический спор выдавался за психологический и общественный конфликт, где люди различались между собой только принадлежностью к тому или другому лагерю спорящих — новаторов или консерваторов. Нет, это не так. Еще неизвестно, насколько правы Тендряков и Дружинин со своими героями, предлагая свое «технологическое» решение педагогического процесса — судьей им будет жизнь. Но одно ясно: и спустя много лет эти книги будут рассказывать читателям об общественных и психологических сдвигах, происходящих ныне на наших глазах.

По литературным достоинствам повести Тендрякова и Дружинина неравноценны, хотя художественные слабости присущи обоим. Тендряков, безусловно, более опытный и более глубокий автор. Если вы прочтаете подряд современные повести и рассказы на темы воспитания, вам непременно придет в голову мысль о том, что повесть В. Тендрякова как бы освещает жизненное содержание других книг. Такое ощущение возникает благодаря широте и глубине постановки Тендряковым проблемы. Но как бы широко и глубоко ни брал писатель тему, он не может исчерпать ее до конца. Поэтому нет ничего удивительного в том, что о судьбе сегодняшних и вчерашних школьников, о том, как родители и педагоги готовят их к жизни и как они входят в нее, написано немало повестей, рассказов, пьес. Все эти произведения, разные по отображенному в них жизненному материалу, по исполнению и творческим установкам, дополняя и уточняя друг друга, резко споря друг с другом,

создают художественную летопись дел и дум нынешнего поколения.

Найдите время и прочитайте некоторые из них, хотя бы «Янтарное ожерелье» Н. Погодина, «Снова август» Н. Ивантер, «Продолжение легенды» А. Кузнецова. Определенный интерес и любопытство вызовут у вас повести «Иду в жизнь» Н. Дементьева, «После школы» П. Бахтина, «Поэтом можешь ты не быть...» И. Гофф, «Дым в глаза» А. Гладилина.

Совсем еще зеленый юнец, которому не удалось поступить в институт, а школа не дала ему никакой специальности, вынужден «вступить в жизнь» намного раньше, чем прежде, до перестройки школьного образования. А что он знает об этой жизни? Что он повидал за свой короткий век? Школа научила его многому, но эти знания не дают ему права стать за фрезерный станок. Да не так-то легко смириться с мыслью, что именно тебе досталось начать жизнь по-новому, минуя институт. А как ее начинать-то, эту жизнь? «Где же, где взять учебник о жизни? Не устав, не свод законов, а обыкновенный умный и честный разговор, разговор по душам, как прожить жизнь по-настоящему, как прожить честно и смело?

Наш дорогой директор школы, наши уважаемые наставники. Вы дали нам массу полезных вещей, вы дали нам знания, но вы не сказали о чем-то самом большом, а накормили нас пустой розовой сказкой, легендой и пустили в свет: «будьте достойными», т. е. выпутывайтесь сами. А как выпутываться, я не знаю».

Поисками учебника жизни занят не только герой повести А. Кузнецова «Продолжение легенды», слова которого мы привели. Нечто подобное происходит и с Борисом Башкировым, и с Ингой Пироговой, и с Ирочкой, с героями повести П. Бахтина «После школы», и со многими другими юношами и девушками из повестей последнего времени.

С Борисом Башкировым, юношей с задиристым характером, вы познакомитесь в тот момент, когда он переживает неприятность — неудач-

ную попытку поступить в вуз. Поступить туда он мог бы без особых затруднений, получи только золотую медаль, но золотой медали он не получил. И не получил из-за своей «непримиримости и прямолинейности»: на выпускном экзамене затеял спор с математиком о способе решения уравнений. В ответ на совет учителя: «Не следует дразнить гусей» — Борис, заикаясь от волнения и мальчишеского упрямства, сказал: «Б-буду. Вся жизнь. Им-менно гусей», — нажимая на слово «гуси» и адресуя его учителю, которого он в конце концов обозвал обывателем.

И так во всем и со всеми Борис старался показать свою независимость. Усвоив с детства, что герой нашего времени — человек твердых и непримиримых убеждений, лишенный не то что сентиментальности, но и обыкновенной человечности и чуткости, Борис возвел в принцип грубость и дерзость в отношениях с людьми, даже с родной матерью.

Борис не только нетерпим, он страшно нетерпелив и в малом и в большом. Он, например, крайне удивлен, почему люди за сорок лет существования Советской власти не смогли справиться с антиобщественной дрянью, с пережитками прошлого. Ушел комсомолец с субботника — исключить из комсомола. Не явился комсомолец на политзанятия — исключить. Зачем воспитывать? Каждый должен знать, на что идет, вступая в комсомол!

Бориса раздражает малейший разлад между его школьным представлением о действительности и тем, что есть на самом деле. Ему, например, казалось, что человек, совершивший геройский подвиг, — абсолютно необыкновенное существо.

Встретившись с живым героем войны, бывшим разведчиком, Борис воспылал романтической жадью «выспросить», дознаться: как решился, как отважился, что чувствовал, о чем думал в ту минуту герою, когда совершал подвиг. Но оказалось, что для этого героя его подвиг был вовсе не подвигом, а обычным солдатским трудом. Да и сам герой, когда Борис познакомился с

ним поближе, стал вовсе не героем: «Он нацепил свои ордена и... А по моему, раз у тебя ордена, так нечего хватать, нечего выставлять их напоказ!»

Бориса, меряющего людей абстрактным эталоном идеального героя, ничуть не смущает то, что кавалер этих орденов Агафшин — хороший, душевный человек, настоящий труженик и что орденами он не хвастал — он их надел по случаю торжества: бывший технолог цеха праздновал новоселье и пригласил к себе чуть ли не весь цех, в том числе и Агафшина.

В общем, в голове Бориса каша: хорошее, верное, по-настоящему советское, коммунистическое соседствует с таким, что вызывает отвращение, в лучшем случае — снисходительную улыбку — мальчишка, с возрастом пройдет!

Один из тех умных людей, к голосу которых Борис все-таки прислушивался, — Борис Петрович как-то обронил: «Вы ведь еще неизвестно что такое. Эмбрион». Это случайное, но точное определение. Закрывая книгу, мы расстаемся с героем уверенные, что Борис найдет тот единственно верный путь, который приведет его в ряды настоящих строителей коммунизма, о чем он сам страстно мечтает.

Повесть Н. Ивантер написана неровно, но бесспорно талантливо. А главное — она, как и повести Тендрякова, дает пищу для размышлений.

Драматург Н. Погодин не впервые пишет о делах молодежных, но как прозаика мы узнали его впервые.

С первых страниц повести вас покораит манера письма, в которой чувствуется задушевность, лиричность, а главное — удивление. Автор будто поражен случайным открытием и публично признается в этом — вот ведь какие чудеса могут произойти! Он удивлен своей героиней Ирочкой, удивлен тем, что она, такая красивая и хрупкая девочка, пошла на тяжелую физическую работу; он приятно удивлен тем, что Володя, простой, не очень грамотный парень, рабочий, способен на боль-

шое чувство и настоящую любовь, способен искренне презирать мешанство.

Перед нами еще один герой, вернее — героиня, из тех, кому было трудно в «могучем котле тяжелой индустрии» «после десяти лет тихой школьной жизни». Еще до окончания Ирочкой школы ее тетя — Нина Петровна приучила девушку «к мысли, что о высшем образовании ей нечего и думать. Почему? Тетка не затрудняла себя длинными объяснениями. Нечего, и все тут! Надо готовиться к овладению какой-нибудь полезной профессией. После окончания школы Ирочка пыталась овладеть двумя профессиями, но как-то не овладела. Из шляпной мастерской, куда ее устроила тетка, пришлось уйти потому, что оттуда ее просто-напросто выгнали. А выгнали потому, что Ирочка все делала по-своему и позволяла себе критиковать шляпную продукцию. На шинном заводе, куда ее пристроил Иван Егорович, Ирочка так безнадежно растерялась, что уже на третий день мастер велел ей идти домой».

И вдруг однажды произошло нечто необыкновенное: «...в комнате потемнело, точно кто-то завесил окно.

— Что такое?! — от неожиданности громко воскликнула Ирочка.

Никто не отозвался. За приоткрытыми рамами окна шевелилось что-то живое и большое».

Так состоялось знакомство с пескоструйщиком Володей, которое и привело Ирочку в бригаду пескоструйщиков.

Как и с Борисом Башкировым, жизнь сурово обошлась с Ирочкой, основательно потрепав ее розовые иллюзии. Особено сильный удар она нанесла ей в личном плане.

Н. Погодин точно и тонко характеризует всех, кто появляется на страницах повести, причем не стесняется прямо, как бы от своего имени, комментировать поступки, мысли и жизнь героев в целом. Такое авторское вмешательство несколько не вредит: чаще всего читателю ничего не остается, как согласиться с ним и с его оценками.

Третья повесть из этой серии книг о делах молодежных — «Иду в жизнь» Н. Дементьева. С нашей точки зрения некоторые ее страницы написаны слабо, схематичны. Но она может заинтересовать. Инга Пирогова, от имени которой ведется рассказ, поведала нам, как ее мать, одержимая страстью к мещанскому комфорту, погубила отца Инги и чуть в конец не испортила жизнь самой Инге. Спасло Ингу то хорошее, что дали ей школа и бабушка Агафья, на руках которой выросла девушка.

«Ты вроде человек настоящий, а в то же время есть в тебе какая-то гниль», — сказал как-то Инге ее школьный товарищ. Этот «настоящий человек» в Инге в конце-концов «взбунтовался» и вырвал ее из-под влияния матери. Первым ее шагом к бунту было поступление на завод простым слесарем-сборщиком.

Еще к одной книге хотелось бы привлечь ваше внимание, дорогие читатели.

По-разному начинают «взрослую» жизнь герои, о которых мы говорили, разные они люди. Но все же у них огромное преимущество перед своим сверстником Антоном Шелестовым, героем повести Г. Медынского «Честь»: им дорог наш общественный идеал, и они стремятся к нему, правда, спотыкаясь, ошибаясь, набивая себе шишки... Антон же как раз в этом возрасте утратил веру в честь и гражданский долг и стал на путь гнусных преступлений — воровства и бандитизма. Позднее советские чекисты помогли Антону осознать пагубность пути, по которому он пошел. Но ведь этого могло и не быть вообще! Как же это могло слу-

читься? Где корни тех антиобщественных пороков, которые существуют и заражают некоторых людей, где уже давно нет антагонистических классовых отношений и, следовательно, нет питательной почвы для этих пороков? Откуда у Антона циничное отношение к словам и понятиям, определяющим смысл всей нашей жизни — честь, долг, труд, Родина?

Ставя подобные вопросы, Г. Медынский не преувеличивает общественной опасности, которая исходит от Антона и его дружков, но и не преуменьшает ее. Честная и публицистически страстная, книга Медынского показывает на судьбе Антона Шелестова изъяды и неурядицы, которые приводят к печальным последствиям. Писатель размышляет и над нашим бытом, и над вопросами семьи и семейных отношений, о том, как родители, разрушая из эгоистических соображений семью, травмируют душу ребенка, — и над системой школьного воспитания, над ролью школьных общественных организаций в воспитании. Писатель остро ставит вопрос о соотношении внушения и убеждения как принципов воспитания. Школа должна давать детям не только знания, но и убеждения. И не просто внушать, им коммунистическую сознательность, а вырабатывать ее у них. Тогда она будет крепка и прочна, как сталь.

Человек будущего рождается сегодня. Оглянитесь вокруг, и вы увидите его зримые черты. Авторы названных книг в меру своих сил и способностей старались запечатлеть рождение нового человека.

Н. Ф. Исапольский

